

КАЗАНЦЕВ Андрей Анатольевич,
кандидат политических наук, старший научный сотрудник,
МГИМО(У) МИД РФ

Тезисы для обсуждения.

1. Наиболее перспективным выходом из дискуссий современных "западников" и "славянофилов" представляется развитие сравнительно-политологических исследований. Это позволит верифицировать перманентно идущую в России дискуссию на эмпирическом материале. Особенно актуальным в этом плане может быть сравнительный анализ модернизационных процессов в их зависимости не только от различных социально-экономических и формально-институционально-политических, но и, особенно, культурных факторов.
2. Предложенный вариант сравнительного исследования процессов модернизации показывает корреляцию целого ряда феноменов: степень конфликтности процессов модернизации, развитость демократических практик, степень силы государства, роль рационального проектирования в процессе развития, и, наконец, степень функционального влияния интеллигенции-интеллектуалов в политической системе.
3. В целом, конфликтность развития, функциональная роль государства, бюрократии и интеллигенции-интеллектуалов (как и все прочие коррелирующие феномены) растут по мере удаления от Северо-Западного "протестантского" ядра Европы (и производных от него переселенческих колоний), достигая максимума в России и исламском мире. Затем, далее на Восток (Китай, Индия, Япония), конфликтность модернизации начинает вновь спадать. Причины этого носят специфический цивилизационный и социально-институциональный характер.

**КОНФЛИКТНОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ, ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
И БЮРОКРАТИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ.**

Пролегомены к сравнительному анализу модернизационных конфликтов.

Наиболее перспективным выходом из дискуссий современных "западников" и "славянофилов" представляется развитие сравнительно-политологических исследований. Это позволит верифицировать перманентно идущую в России (и имеющую очень важные политические последствия) дискуссию на эмпирическом материале. Особенно актуальным в этом плане может быть сравнительный анализ

модернизационных процессов в их зависимости не только от различных социально-экономических и формально-институционально-политических, но и, особенно, культурных факторов.

Сравнительно-политический анализ невозможен без исходной гипотезы, предназначенной создать поле и теоретический инструментарий для сопоставления. Наш сравнительный анализ будет основан на сопоставлении нескольких феноменов, которые во многих социо-политических теориях представляются разнородными: степень конфликтности процессов модернизации, развитость демократических практик, степень силы государства, роль рационального проектирования в процессе развития, и, наконец, степень функционального влияния интеллигенции-интеллектуалов в политической системе. Исходная гипотеза заключается в том, что все эти факторы во многих случаях коррелируют, располагаясь по периферии "ядра" (протестантский Северо-запад Европы и производные от него переселенческие колонии) обществ современного типа.

Эта гипотеза требует, как минимум, трех теоретических пояснений.

Во-первых, представление о "ядре" и "периферии" глобальности характерно, прежде всего, для мирсистемных теорий. Некоторые из их формулировок (прежде всего, идеологически "левая", Валлерстайновская) носят достаточно дискуссионный характер и не приняты научным сообществом в целом. Мы в данном случае опираемся, скорее, на современную глобализационную теорию, описывающую "ворота" в глобальный мир" как центры, а их "хоры" как периферии. Именно в протестантском, Северо-Западном "ядре" Европы расположены доминировавшие в 17-19 вв., и поныне существующие "ворота" (Лондон и "Ранштадт").

С мирсистемными и пространственно дифференцированными глобализационными теориями перекликаются социологические представления о "ядре", где впервые сформировались общества модерна. Соответственно, "периферийные" по отношению к "ядру" страны оказываются в ситуации "догоняющей модернизации". Это позволяет рассматривать "модерн" (и возникшую на его основе структуру глобальных отношений) как некую систему, имеющую центр, откуда (по крайней мере, в 17 - 19 вв.) расходились, постепенно ослабевая, модернизационные влияния.

Во-вторых, существует старая дискуссия между "конфликтной" и "органической" моделями модернизации. Первая из них связана, прежде всего, с Марксовой интерпретацией гегелевского представления о развитии как конфликте . Наиболее сильное воплощение "конфликтная" модель модернизации нашла в "Манифесте коммунистической партии". Там это достигается за счет представляющегося достаточно произвольным комбинирования английского опыта успешного социально-политического развития (по сути, эволюционного и малоконфликтного) и французского опыта постоянных революций, кризисов и острых классовых конфликтов. В результате промышленная революция и социальная революция оказались неизбежными спутниками друг друга. Признавая ценность подобного анализа мы, тем не менее, далее утверждаем, что подобное совмещение неуниверсально и, более того, нежелательно.

Альтернативная теория, представляющая развитие как органический синтез, восходит, прежде всего, к Э. Дюркгейму. В социологии она наиболее четко

сформулирована Т. Парсонсом, для которого успешное развитие ведет не к конфликту, а к синтезу.

К теориям "бесконфликтной" модернизации примыкает литература, описывающая роль рациональной проективности или, напротив, неорганизованной спонтанности в таком развитии. Здесь следует выделить, прежде всего, Ф. Хайека. Он, в частности, показал, что рациональное проектирование процессов развития в обществе, характерное для многих европейских интеллектуалов, особенно, левых, на практике отнюдь не приводит к желаемым целям. Причина заключается, прежде всего, в том, что возникают очень большие разрывы между различными процессами на нижних уровнях и макроинституциональными инновациями. Предусмотреть эти разрывы совершенно невозможно.

Еще более радикально этот тезис сформулирован К. Поппером. Современное общество - это принципиально "открытый" проект. Поэтому неэффективным оказывается любое планирование, пытающееся его "закрыть", найти какой-то конечный "рецепт" общественного счастья. Более эмпирически данная теория сформулирована В.М. Сергеевым и Н.И. Бирюковым. Модерн с их точки зрения представляет собой, прежде всего, три основные открытые, развивающиеся по собственной внутренней логике и не признающие никакого внешнего контроля системы: рыночную экономику, демократию и науку.

Основы чисто эмпирико-политологического анализа различных, конфликтных и неконфликтных типов модернизации описаны в работе В.М. Сергеева в виде "цветовой" типологии революций ("розовой", "белой" и "черной"). В ходе "розовой" революции на поверхность выходит уже заранее созревший в периферийных областях общественной жизни "альтернативный" набор социально-политических институтов. Он органически и достаточно бесконфликтно замещает старый. В ходе "белой" революции государством, на основе неких модернизационных проектов, осуществляется внедрение новых макроуровневых институтов. Они вступают в противоречие со старыми институтами, с институтами в других сферах и, что очень существенно, на более низких уровнях. Эти "разрывы" резко увеличивают конфликтность развития. Результатом неудачной "белой" революции могут стать "черные" революции. В этом случае массы, живущие на основе радикально отличных микроуровневых институтов, поднимаются на их защиту и ниспровергают непривычные институты более высокого уровня.

Проблематика типов политической модернизации поднимается также в другой работе В.М. Сергеева, посвященной процессу становления демократий современного типа. В частности, выделяются "конфликтный" (французский) и "бесконфликтный" (английский) путь такого становления. При этом демократия, понятая как развитый и институционализированный процесс переговоров между различными слоями и уровнями общества, по мере своего становления служит снижению конфликтов. "Конфликтный" путь развития демократии исходно заменяет реальный переговорный процесс на всех уровнях набором плохо функционирующих макроуровневых институтов, при этом демократия превращается, скорее в некий миф. Затем, постепенно и очень сложным путем, реальные процессы переговоров в обществе могут все-таки установиться. В то же время, "бесконфликтный" путь развития исходно, путем "розовой" революции, создает механизмы переговоров в обществе на разных уровнях.

Таким образом, в современных социальных науках уже существует инструментарий, позволяющий проводить эмпирические сравнительные исследования процессов конфликтной и бесконфликтной модернизации.

В-третьих, мы не занимаемся анализом специфики культурно-цивилизационных или политических систем тех или иных стран "до" начала процесса модернизации (это сделало бы нашу работу неподъемной). Не анализируем мы и все аспекты процессов модернизации. В рассмотрение попадают только те факторы, которые важны для сравнительного анализа с точки зрения выделенной выше коррелирующей группы социально-политических феноменов.

Здесь для каждой из стран имеется абсолютно необозримый набор соответствующих теорий, описывающих как их своеобразные, так и универсальные характеристики. Например, среди теорий, возникших только в постсоветский период, и представляющих те или иные специфические черты политической культуры России, мы бы выделили работы Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова, В.М. Сергеева и Н.И. Бирюкова, М.В. Ильина, А.А. Кара-Мурзы и Л.В. Полякова, А.С. Ахиезера, А. М. Эткинда, М.С. Уварова. Очень интересная и плодотворная, но не пока не подкрепленная дальнейшими исследованиями модель сравнительного исследования политической культуры России заложена в интересной работе

Проясним также используемую в данной работе терминологию. Интеллигенты-интеллектуалы в контексте данной работы определяются чисто функционально: как образованные слои общества, осуществляющие выработку различных модернизационных проектов. При этом снимается как различие между европейскими интеллектуалами и русскими интеллигентами, так и между европейскими интеллектуалами и их средневековыми предшественниками (монашескими и университетскими кругами). В ту же функциональную категорию попадают и традиционные азиатские "двойники" интеллигентов-интеллектуалов: исламские богословы и правоведы, конфуцианские ученые-чиновники старого Китая, представители высших каст (особенно, брахманских) в Индии и т.д.

Так же функционально определяется в данном случае и бюрократия - как служащие административного аппарата государства, могущие осуществлять различные модернизационные проекты (даже насильственно, путем внедрения макроинституциональных норм, не соответствующих микроинститутам общества). По сути, ничего при подобном функциональном подходе не мешает одному и тому же человеку быть в одном социальном контексте интеллигентом-интеллектуалом, а в другом - бюрократом.

Приведенные выше рассуждения позволяют нам более четко сформулировать исходную гипотезу, служащую основанием для сравнения. В 17 - 19 вв. институты модерна распространялись, преимущественно, из "протестантского ядра". Там развитие было наименее конфликтным и наиболее органичным. Далее, по его периферии, осуществлялись процессы догоняющей модернизации. В ходе этих процессов из-за институциональных разрывов и конфликта интересов различных социальных групп (представляющих как "старое", так и "новое") росла степень конфликтности процессов модернизации. Меньшая политическая модернизированность означала, в частности, и меньшее развитие переговорных практик. Это еще больше увеличивало конфликтность. Из-за больших внутренних конфликтов в обществе и из-за его объективного отставания во внешнем мире неизбежно возникала необходимость в усилении государственного вмешательства в

жизнь общества. В свою очередь, это макроуровневое вмешательство могло вести и к негативным последствиям (увеличивались разрывы между институтами в разных сферах и на разных уровнях). Государство в ходе догоняющей модернизации должно было осуществлять некие рациональные модернизационные проекты. Именно эти проекты и создавались интеллигенцией-интеллектуалами и их различными аналогами.

Тем не менее, все эти процессы протекали абсолютно в разных масштабах, с разнообразной степенью совмещения различных социальных феноменов в различных странах и культурах.

Модернизация и конфликты в Западной Европе.

А. Политическая модернизация.

Политическая жизнь в Западной Европе органичным образом выросла из наследия античной цивилизации и структуры феодального общества с его плюрализмом статусов. Важным институциональным фактором плюрализма оказалась роль католической церкви, соревновавшейся с мирскими властями и способствовавшей с этой целью развитию политической теории. В частности, развитые в рамках ортодоксального католицизма теории несправедливого правления предусматривали право восстания против тирана.

Важным фактором стало развитие городской жизни, в Средиземноморской зоне восходившей к античности. На ее основе органически возникли формы демократического самоуправления и гражданского общества с развитой экономической рациональностью поведения.

Эти тенденции были существенно усилены благодаря возникновению протестантизма с его радикальной посясторонне-религиозной ориентацией. Северо-Западная, протестантская часть Европы стала ядром развития институтов модерна: рыночная экономика, гражданское общество, парламентаризм, современная наука. Там становление этих институтов происходило наиболее бесконфликтно. Развитые переговорные практики в рамках демократических институтов обеспечили устойчивые каналы, по которым социальные конфликты переводились в русло мирной политической борьбы, прежде всего, парламентской.

Веберовский аргумент о роли протестантизма в возникновении модерна обычно оспаривают на том основании, что непонятно, как религиозные максимы протестантизма оказались привитыми каждому протестанту. Некоторые современные исследователи нашли ответ на этот вопрос. В частности, английский историк Х.Р. Тревор-Рупер отмечает, что капитализм был создан относительно небольшим числом людей. Но эти люди неизбежно оказывались в узловых точках общества (например, были финансистами и, следовательно, контролировали политику королей). Более того, эти люди были связаны между собой сетевым образом (включая сети доверия-кредита, информационные, сети знания, ценностно интегрированные и т.д.). Именно таким образом они могли мобилизовывать огромные средства, в том числе, финансовые. Более того, распространение кальвинистских установок благодаря этим сетям затронуло не только протестантский, но и католический мир. В частности, идеи мирского призвания распространялись через сетевую "республику ученых" во главе с Эразмом Роттердамским.

В работах Ф. Броделя также показаны механизмы финансово-экономического контроля со стороны наиболее высоких финансово-торговых уровней хозяйства над низкими для всей Европы, а, позднее, всего мира. Эти "командные высоты", в свою очередь, были заняты, начиная с 17 в., последовательно, Амстердамом, Лондоном и Нью-Йорком, где в кругах банкиров и крупных предпринимателей преобладала кальвинистская культура (правда, как отмечал Зомбарт, взаимодействующая с культурой еврейства - последнее было очень легко, например, из-за высокого приоритета Ветхого завета среди кальвинистов).

Механизмы внедрения подобных распространяемых по элитным сетям макроуровневых установок показала "микрофизика власти" - направление исторических исследований, заложенных М. Фуко. Через различные очень сложные механизмы (церкви, больницы, тюрьмы, школы, сексуальность и т.д.) соответствующие коды начинали постепенно определять даже телесность людей, а не только их сознание.

В то же время возникновение современных политических пространств в Западной Европе в целом отнюдь не было бесконфликтным. Свое наиболее классическое воплощение конфликтная модель возникновения пространства политического получила во Франции. Основы для этого заложили, в частности, достаточно серьезные разрывы между аристократической элитой и абсолютистским государством, с одной стороны, и третьим сословием, с другой стороны, между институтами модерна и феодально-абсолютистскими структурами. Конфликтная модель продолжала развиваться и дальше, непрерывно воспроизводясь в 19 в. в логике революций и контр-революций, противостояния "третьего" и "четвертого" сословий и т.д.

Франция является страной образцовой "конфликтной" модели, прежде всего, потому, что она по своей культуре и институциональному устройству достаточно близка к протестантскому ядру, чтобы образовать "первый" пояс "догоняющей модернизации". Конфликтная модель воспроизводилась также многими другими европейскими странами, которые лежали еще дальше от протестантского ядра становления институтов модерна и, потому, также характеризовались серьезными разрывами в социально-политических пространствах. Эти разрывы препятствовали становлению в обществе горизонтальных связей и устойчивых каналов переговоров. Последнее еще более усиливало конфликты.

Б. Население, бюрократия и образованные слои.

Исходная плюралистичность статусов в феодальных структурах привела к постепенному распространению переговорных практик между властями и населением (например, в рамках парламентских и судебных структур, ограничивавших монархов). В этом плане бюрократия в "протестантском ядре" модерна является не столько даже рациональной в веберовском смысле, сколько ориентированной на минимизацию харизматического вмешательства государства в жизнь населения и на переговоры с ним. Тенденции к становлению такой "переговорной" бюрократии способствовала и английская система органически развивающегося "обычного права", чуждая всякой рациональной проективности, а также политическая культура, ориентированная на органичную стабильность формальных институтов.

Распространение посюсторонней рациональности привело и к возникновению рациональной бюрократии в веберовском смысле. Последняя, правда, исторически связана уже не столько с "протестантским ядром" модерна, сколько с абсолютистской Францией и, позднее, с Германией. Рациональная бюрократия, в противоположность "переговорной", уже вполне может восприниматься как инструмент проведения политики государства, получающего некоторую автономию от общества и реализующего какие-то внешние по отношению к обществу модернизационные проекты. Не случайно, именно французская модель рациональной бюрократии (например, начиная с Кольбера) и рационально спроектированной системы законов (кодекс Наполеона) и институтов (централизованная административная система) стала образцом для стран "конфликтной" модели развития современных институтов.

Наличие политической системы, ориентированной на преодоление конфликтных разрывов в обществе и реализацию рационально спроектированных моделей посредством бюрократических инструментов, неизбежно предполагает развитие рационального инновативного планирования. Одними из исполнителей этой роли стали интеллектуалы. Последние, наряду с профессиональными занятиями умственным трудом, также характеризуются тенденцией к синтезу социальных знаний и к применению их в социально-проективной плоскости. Феномен интеллектуализма, возникший во Франции после дела Дрейфуса во второй половине 19 в., неразрывно связан с социально-политической инновативностью (чаще всего, левой ориентации).

Все указанные выше тенденции сливались в странах "конфликтного" развития в различных сложных комбинациях, устанавливающие констелляции "порочных зависимостей". Определенная "периферийность" означала, что силы нового еще не успели победить силы старого, и им приходится сосуществовать. Это вело к сильным разрывам между различными социальными слоями, ориентированными на традицию или на модерн. Сила разрывов приводила к тому, что медленно развивался основной политический институт модерна - демократический парламентаризм с его развитой системой переговоров между социальными группами. Слабая развитость политических институтов мирного разрешения конфликтов между различными силами, связанными с традицией и модерном, вела к эскалации социальных конфликтов. Основной силой для их нейтрализации становилось сильное государство, принимающее самостоятельную роль, и реализующее внешние для общества идеологические цели и внешние для различных социальных сил рациональные проекты. Государство становилось следовательно, важным агентом модернизации. В результате возникал сильно развитый государственный аппарат и институт рациональной бюрократии, ориентированной на реализацию модернизационных проектов. Эти рациональные проекты формулировали интеллектуалы, также ставшие важным, соревнующимся и сотрудничающим с рациональной бюрократией, агентом модернизации.

Различные социальные слои и их интеллектуальные лидеры также формулировали модели конфликтной модернизации, отвечающие их интересам. Они начинали борьбу за их реализацию.

Внедренные государством "сверху" на макроуровне модернизационные институты зачастую создавали противоречия с институтами на более низких уровнях и в других сферах. Для различных социальных акторов создавалась

ситуация "дилеммы узника". Это, в свою очередь, усиливало конфликтность и асоциальное поведение.

Важная в этой ситуации фигура интеллектуала играла роль не создателя сферы политического, а всего лишь одного из важных источников инноваций в ней. Вырабатываемые им идеи были способны привести к радикальной переконфигурации существующих социальных и политических сил, но сами эти силы существовали давно и по собственной логике. Типичными примерами могут служить идеи левых интеллектуалов в Европе 19 в. (прежде всего, социалистов, анархистов и марксистов), идеи расистов и националистов 19 - 20 в. и идеи правых интеллектуалов, идеологов "консервативной революции" в Германии начала - середины 20 в. Деятельность идеологов французского Просвещения и Великой революции также вполне можно подвести ретроспективно под понятие "интеллектуал".

В целом, фигура интеллектуала наиболее актуальна для стран догоняющего развития по периферии протестантского ядра модерна (она исторически и возникла во Франции). Ее основная политическая функция связана с тем, что некоторое отставание в развитии делает актуальным распространение социально-политической инновативности. Она связана с заимствованием нововведений у более развитых стран, рациональной критикой существующих институтов и поиском путей их догоняющей (обгоняющей) модернизации. При этом можно наблюдать прямую связь между влиятельностью интеллектуалов и конфликтностью (рациональной проективностью, а не спонтанностью) развития институтов модерна.

Фигура интеллектуала распространилась и на страны "протестантского ядра" модерна. Однако она играла там куда более скромную политическую роль. Достаточно посмотреть на политическую роль интеллектуала в Великобритании и англосаксонских переселенческих колониях, которая, в целом, разумеется, велика, но существенно уступает французской (и вообще, континентальной).

Этому способствует, во-первых, культура, ориентированная на практический опыт, и восходящая к наследию Лютера и Кальвина. Спасение "только верой" (лютеранство) и поиск знаков этого спасения в собственной жизни (кальвинизм и ряд производных сект) исходно противостоял католической ориентации на благодать и заслуги святых, рационально распределяемую священноначалием по всему мистическому телу церкви. Позднее это способствовало развитию эмпирической науки (при этом опора на факты, а не рациональные предположения в духе средневековой схоластической науки воспринималась как разновидность "смирения" перед Богом). Это способствовало также приоритету личного материального интереса (ведь спасение в будущей жизни предугадывалось по успеху в этом мире) над коллективными проектами.

Во-вторых, англосаксонскую политическую культуру отличает политический консерватизм. Она, к тому же, проникнута либеральным духом уважения к status quo и стремлением минимизировать перемены, проводить их как можно более согласовано, избегая излишнего насилия над обществом. Другой либеральной характеристикой становится характерное для этой культуры стремление решать в рамках гражданского общества максимальное количество вопросов и как можно меньше проблем передавать в руки государства.

В-третьих, рациональному проектированию противостоит система прецедентного права. Последняя во многом снимает различие между обычным и писаным правом. Законодательство начинает развиваться как бы само собой, органичным образом, путем тысяч различных судебных решений и в ходе эволюции правосознания общества. Переносимое в политику правовое мышление, развивающееся на основе системы прецедентного права, еще больше усиливает характерные для англосаксов недоверие к рациональной проективности, приоритетное внимание к эмпирическим фактам и консерватизм.

Приведенные выше общие наблюдения соотношения "ядра" и "периферии" модерна можно конкретизировать, на примере модели "часовых поясов" развития национализма в Европе Э. Геллнера. Интеллектуалы с их рациональной проективностью в "отстающих поясах" (начиная со "второго" - Италия и Германия) становятся все более важными агентами в формировании национальных идентичностей и институтов национальных государств. При этом их рациональные проекты национальной идентичности во все большей мере предшествуют спонтанному становлению этой идентичности, характерной, например, для Франции и Англии. Однако это происходит, во многом, в силу того, что интеллектуалы в "отстающих" странах могут заимствовать опыт формирования национальной идентичности у стран более "передовых" (правда, по параметру национальной идентичности, в число "передовых" стран наряду с "протестантским ядром" попадает и Франция).

По мере отставания "часовых поясов" от ядра модерна возрастает роль интеллектуалов и в самоосознании своей роли различными социальными слоями. Так, например, марксизм и лассальянство сыграли очень важную роль в формировании рабочего класса в Германии. А в Восточной Европе марксизм даже в определенном смысле "предшествовал" рабочему классу и, в рамках советской модели развития, его специально формировал. В то же время самоорганизация английских рабочих (от луддитов до чартистов и, в меньшей мере, лейбористов) была, в существенной мере, спонтанна. Именно эта самоорганизация и послужила образцом для сознательного проектирования в более "отсталых" частях Европы (в том числе, и во Франции, но, особенно, в Германии).

В описанную выше логику "часовых зон" модерна вполне укладывается усиление конфликтности модернизации в Центральной и Восточной Европе по сравнению с Францией и, далее, еще большее усиление этого феномена в России. Более того, именно начиная с России (в меньшей степени - на Балканах) появляется "цивилизационная" проблема, которая, в частности, заключается в степени органичности синтеза "западных" институтов и местных традиций, модернизированных формальных институтов на макроуровне и не модернизированных институтов микроуровня, наконец, вопрос соотношения модернизации и вестернизации.

Россия как образец модернизационной конфликтности

А. Вестернизация - модернизация: насколько органичен синтез традиционной культуры и современных институтов?

подавляющее большинство специалистов придерживается точки зрения, тесно связывающей процессы модернизации и вестернизации России Нового времени. В результате модернизация неизбежно приобретает догоняющий и подражательный

характер. Со времен славянофильской критики особенностей русской модернизации (усиленном затем рефлексией на русские революции 1905 и 1917 гг.) важным моментом является также представление о постоянно воспроизводимом существенном разрыве между модернизаторским государством, образованным меньшинством и массами населения.

Представление о разрыве между идеальным и реальным социализмом также постоянно воспроизводилось общественным сознанием в советскую эпоху. Эта же идея о радикальном разрыве между имплантируемым государством формальными институтами и реальными паттернами поведения населения подчеркивается и некоторыми современными исследователями.

Причина того, что постоянно воспроизводится этот разрыв между традицией и модерном, формальным и неформальным, и не происходит их органического синтеза, заключается в специфике отношения "сильного" государства и "слабого" общества, мощного институционально-символического Центра и не развитых автономных институциональных пространств.

В качестве ключевого момента в модернизации России, начиная с работ русских историков-западников 19 в. (прежде всего, С.М. Соловьева), начинает восприниматься сильное самодержавное государство. В эту традицию вписывается и интерпретация Ш. Эйзенштадтом традиционной институциональной структуры России как четкого имперского типа с очень мощным институционально-символическим Центром и слабым доступом к нему различных элит и групп общества. Центр подавляет автономию институциональных пространств и, задавая преобладающие вертикальные связи, не дает развиваться тенденции к горизонтальной самоорганизации социальных групп.

В результате модернизаторские усилия государства в России принимают парадоксальный характер. С одной стороны, соображения усиления военного могущества, внешнего престижа и, со временем, также желания все больше приблизиться к образу и уровню жизни Запада, создают мотивировку для постоянных реформаторских усилий на макроуровне.

С другой стороны, заданное долгой традицией существование сильного государства как гарантия стабильности общества и его развития не дает возможности для автономизации различных институциональных сфер (рыночной экономики, гражданского общества, демократической политики, науки, культуры и т.д.). Последние в рамках модерна не могут развиваться как "открытые" институциональные пространства, имеющие свою собственную логику развития. Однако слишком большая дифференциация этих сфер в любой момент могут подорвать силу государства и основанную на ней общественную стабильность. В результате, сохранение сильного государства как агента модернизации и гаранта стабильности общества постоянно требует "циклов" реформ и контрреформ. Государство то создает более или менее модернизированные автономные институциональные пространства, то уничтожает их.

Развитие сильного государства исторически потребовало постоянного "обрубания" всех возможных горизонтальных связей, что систематически практиковалось еще в Московском царстве. В связи с этим сложилась логика сосуществования слабо организованного, атомизированного, неспособного к жизни без государственной опеки общества и сильного патерналистского государства. В

этой логике и заключена трагедия русской модернизации. Ослабление государственного контроля необходимо для того, чтобы в обществе шли процессы самоорганизации, чтобы наряду с государством возникали новые модернизационные силы. В то же время, ослабление государственного контроля ведет к росту нестабильности и неопределенности. Последние мешают самоорганизации общества ничуть не меньше, чем сильное государство.

В результате сочетания всех этих тенденций Россия в процессе модернизации постоянно вынуждена проходить между Сциллой государственного деспотизма и Харибдой хаоса и аномии. Этот долгосрочный тренд является, с одной стороны, следствием отсутствия органического синтеза модерна и традиции. С другой стороны, раз сложившись, он, в качестве зависимости от однажды выбранной траектории развития (path dependency), постоянно это отсутствие воспроизводит.

Разрыв между модерном и традициями является, по сути, разрывом институтов разных уровней. Например, макроуровневые государственные инновации плохо согласуются с распространенными среди населения представлениями о справедливости или с бюрократическими практиками.

Особенность социальной структуры с сильным государством во главе играла роковую роль и в отношениях России с Западом. Несходство институциональной структуры, даже после достаточно успешных цивилизационных заимствований 18 - 19 вв., вело к постоянному возникновению оппозиции Россия - Запад. Эта оппозиция постоянно поддерживалась религиозными, а после 1917 г. идеологическими различиями. В то же время, сильное государство, ставшее органической частью европейской системы, часто использовало эту оппозицию в целях мобилизации населения.

Б. Население, бюрократия и образованные слои в России.

В Древней Руси не сложилась феодальной структуры по западноевропейскому образцу. Здесь понятие "феодализм" употребляется в "узком" смысле, как иерархия частнопровых статусов сеньеров-вассалов. Русь мыслилась как коллективная собственность рода Рюрика (в дальнейшем - производных от него княжеских домов). Институциональный плюрализм существовал лишь в виде дискуссий о различных уровнях "старшинства" между рюриковичами. За исключением феноменов Новгорода и Пскова не сложились крупные городские центры как долгосрочно существовавшие самостоятельные политические силы. Православная церковь, в соответствии с византийской традицией, не выступала в роли самостоятельного по отношению к мирским властям, центра силы.

Таким образом, Древнюю Русь исходно отличало от Западной Европы отсутствие институционализированного плюрализма частнопровых статусов и политических сил. Не было и связанной с ними тенденции к развитию горизонтальных связей. Этому способствовала также и географическая специфика России: огромные малонаселенные пространства с плохо развитыми средствами сообщения.

Положение русских князей в период монгольского владычества в качестве агентов по "выжиманию" дани с населения вело к ослаблению связи политико-административной элиты с населением. Важной особенностью послемонгольской Московской Руси была тенденция к максимально возможному усилению

вертикальных связей и ослаблению горизонтальных. В частности, она проявилась в репрессиях против многих из старых боярских и княжеских родов, в активных переселениях знати, в стремлении не дать ей возможность укрепиться в "родовых гнездах", в разгроме торговых городов Иваном III, Василием III и Иваном IV. Этому способствовали институциональные заимствования у Византии и Золотой Орды.

Медленно начавшаяся еще в 17 в. и резко ускоренная Петром I европеизация России привела к тому, что могущество государства, выступающего теперь в роли единственного агента модернизации, еще больше возросло. Соответственно, горизонтальные связи слабели. В то же время, разрыв между традиционной культурой населения и макроуровневыми инновациями европеизаторского государства резко усилился.

Правда, первоначально, в 18 в. он принял разрыв между дворянством и бюрократией, которые все больше европеизировались, и массой населения. Однако после "Манифеста о вольности дворянской", выпущенного Петром III и подтвержденного Екатериной II, начал нарастать и разрыв между дворянством и бюрократией. Видимо, он стал окончательно непреодолимым после восстания декабристов в 1825 г. Все эти разрывы не удалось преодолеть и позднее, несмотря на резкое повышение вертикальной мобильности после реформ 1860 - х. гг. и, особенно, в раннесоветский период.

Примерно в то же время, когда русское дворянство окончательно отделилось как социальная группа от русской бюрократии, оно начало постепенно преобразовываться в русскую интеллигенцию. Известно, что понятие "интеллигенция" первоначально применялось именно по отношению к высшему свету, затем - к образованному дворянству в целом. Наконец, по мере демократизации культуры, к 1860 - м. гг., оно стало распространяться и на разночинцев.

Однако почему же в ситуации отчуждения и даже противостояния масс населения бюрократическому государству русская интеллигенция не стала, как она сама того хотела, "выразительницей интересов народа"? Почему она не смогла, хотя и претендовала на эту роль, стать реальным агентом модернизации страны, альтернативным государству?

Здесь, как нам представляется, сработал целый ряд факторов. Сильное государство, выступавшее, к тому же, как агент модернизации, не давало возможности возникнуть каким-либо другим активным социальным агентам. Этот феномен представлен в виде концепции интеллигента как "лишнего человека" у Ю.С. Пивоварова. Государство исторически препятствовало развитию горизонтальных связей (даже у дворянства), что не дало интеллигенции самоорганизоваться и установить какие-либо связи с массами населения.

Роковую роль также сыграло отсутствие в России, как это имело место в Западной Европе, развитой традиции городской жизни и, соответственно, буржуазии-"среднего класса" и институтов гражданского общества. Рациональное западничество образованной части общества не было поддержано экономической рациональностью буржуазии. Напротив, интеллигенция заимствовала у русского дворянства презрение к "мещанству", часто переходившее, как у Герцена, в критику западного капитализма и в конструирование социальных утопий, основанных на крестьянской общине.

Интеллигенция в качестве потенциального агента модернизации, альтернативного бюрократии, могла апеллировать лишь к массе крестьян или ушедших в города вчерашних крестьян. Для последних особенно убедительны были утопичные попытки частично воссоздать под видом "альтернативной модернизации" структуры традиционного общества, получившие реализацию в виде большевистской "консервативной" или "черной" революции.

Важную роль также сыграл сильный разрыв между небольшим слоем европейски образованной элиты и культурой народа, отмечавшийся многими наблюдателями русской революции, начиная с "Вех".

Существенным моментом, определившим особенности политического поведения русской интеллигенции, стала и структура ее представлений о социальном мире. Последняя во многом определялась тем, что высокая европеизированная культура в России оказалась достаточно молодой (в том числе, благодаря различным внутренним разрывам в ткани русской истории), не опиравшейся, как в Западной Европе, на тысячелетние традиции городской жизни. В связи с этим высоким оказалось влияние моделей поведения, характерных для традиционной культуры.

Русских интеллигентов отличает от "западных" профессионалов-интеллектуалов, прежде всего, наличие интегрального мировоззрения, которое превращает их во "всесторонних дилетантов". Особенностью русской интеллигенции стало также мировоззрение, основанное на ценностно-идеологической, а не прагматической интеграции. В результате социально-политическая жизнь стала восприниматься, в стиле древних гностических сект, как арена непримиримой борьбы сил добра и зла. В этой ситуации и после крушения "старого порядка", и после падения коммунистического режима невозможным оказалось построение политических институтов, направленных на диалог между различными социальными группами и уменьшение конфликтности. Пространство политического стало восприниматься как пространство реализации различных внешних для общества проектов, от коммунистических до либеральных.

Итак, в целом структуру политического пространства в России определяет исторически сложившийся в процессе модернизации разрыв между бюрократией, интеллигенцией и массами населения. В плане соотношения вестернизации/модернизации обращает на себя внимание сильный разрыв между формальными и неформальными институтами. Последний постоянно воспроизводится из-за того, что государство играет роль основного агента модернизации, институциональная автономия различных сфер взаимодействия (экономика, гражданское общество, политика) очень слаба, а горизонтальные связи неразвиты. Сильное государство также постоянно воспроизводит логику противостояния Россия-Запад в плане мобилизации населения.

В. Функции русской интеллигенции в рамках политической системы.

Какова же роль русских интеллигентов в политической системе России, начиная с 19 в., несмотря на роль "лишних" людей, выделенную им бюрократией? Мы полагаем, что интеллигенция в России в очень существенной мере определяет структуру политического пространства.

Во-первых, русская интеллигенция в XIX - XX вв. является одним из основных источников инноваций практически для всех систем России в целом (экономика, социум, культура), а отнюдь не только для ее политической системы. Возможно, эта тенденция сохранится и в первой половине XXI в.

Этот тезис во многом самоочевиден в силу того, что в России в указанный период достаточным уровнем образованности обладает только интеллигенция. Государственные структуры и бюрократия в России традиционно соревнуются с интеллигенцией за звание источников инноваций. Однако, новые идеи они, как правило, заимствуют у тех же интеллигентов. Кроме того, бюрократы-новаторы, как правило, сами являются интеллигентами.

Во-вторых, именно русская интеллигенция в XIX - XX вв. создает и поддерживает в России пространство политического как такового. Собственно говоря, это и есть ее основная инновация в политической системе. Именно интеллигенция определяет, какие проблемы считаются политическими, какие вообще существуют типовые способы их решения, какова структура политико-идеологических ценностей. Эта функция оказалась в руках интеллигенции потому, что в России различные социальные группы традиционно практически никогда не решали свои конкретные проблемы в политическом пространстве. Куда более эффективным был поиск прямого (а не через посредство политических пространств) доступа к представителям администрации (в виде подкупа, налаживания неформальных связей, ходатайства или даже бунта).

Однако этот тезис отнюдь не означает, что интеллигенция создает это политическое пространство "из ничего". В ее политико-идеологических конструкциях присутствует лишь тот или иной способ осмысления и группировки интересов наличных социальных групп. Хотя способов такой группировки и перегруппировки может быть очень много, что и задает достаточно большую свободу для инноваций.

На практике русская интеллигенция очень часто задает структуру осознания интересов частных групп (самой себя, Рабочих, Крестьян, Бюрократии, Среднего класса, Предпринимателей, Центра и Периферии, различных национальных групп внутри страны и т.д.). Ее идейные конструкции создают также и способы интерпретации символов общности, синтезирующих интересы этих групп (Государство, Народ, Национальные интересы и т.п.). Эта, третья функция русской интеллигенции существует в силу того простого факта, что в России степень самоорганизации социальных групп из-за исторически слабого развития горизонтальных связей (и целенаправленной политики сильного государства) исторически была очень низка.

В четвертых, русская история XIX - XX вв. характеризуется катастрофизмом: резкие смены режимов и политических систем, господствующих идеологий, перемещения огромных масс населения, гигантские социальные перемены. В этой ситуации функция инновации как способа осознать перемены, предчувствовать их, искать способы адаптации к ним и в чем-то даже их предопределять, создавая или переинтерпретируя соответствующие ценностно-идеологические системы, становится чрезвычайно важной.

Таким образом, русская интеллигенция как носитель инновативной функции является ключевым компонентом институциональной структуры политического

пространства России. В данном случае под институциональной структурой понимается исследованная неинституционализмом связка между структурой сознания - структурой неформальных институтов - реальной поведенческой интерпретацией структуры формальных институтов.

Г. Конфликтная модернизация в Германии в сопоставлении с Россией.

Описанные выше специфические особенности России, в целом, выделяют ее по степени высокой проективности и конфликтности модернизации даже по сравнению со странами конфликтной модернизации в Западной Европе. Тем не менее, при сравнении со странами Центральной и Восточной Европы этот разрыв уже не столь велик. Для иллюстрации этого мы рассмотрим в сравнительном плане конфликтную модернизацию в России и Германии.

С 16-17 вв. наблюдалось достаточно очевидное отставание Германии от ее более западных соседей в Европе. В результате реформации и последовавших войн, вплоть до Тридцатилетней, Германия оказалась окончательно расколота на большое количество мелких княжеств. Более того, к востоку от Эльбы развернулся процесс рефеодализации, включая закрепощение крестьянства.

Процесс закрепощения крестьян в России шел достаточно синхронно с Восточной Германией, хотя проходил он в совершенно противоположных политических условиях (развитие крупного централизованного государства). Торговля с Западной Европой также играла намного менее существенную роль в возникновении крепостного права в России по сравнению с Германией (массированный экспорт русской сельскохозяйственной продукции пришелся на вторую половину 18 в., а, особенно, - на 19 в.).

В Германии протестантизм утвердился в несколько более ограниченной форме (лютеранство), чем в части Голландии и части Швейцарии (кальвинизм). Соответственно, стимул "мирского призвания" был более ослаблен по сравнению с этими странами или англосаксонскими протестантскими сектами. Существенным обстоятельством стал раскол Германии на католическую и лютеранскую часть (приблизительно, по оси Север-Юг, но с довольно серьезной чересполосицей, например, на Рейне), наложившийся на ее политический раскол (по принципу, *si jux regio, eius religio*).

В России столь сильного культурно-политического разделения не было, так как "раскол" и сектантство, кроме определенных кризисных периодов (например, стрелецкие бунты при Петре 1), не играли существенной политической роли.

Довольно долгое время (особенно, начиная с 19 в.) Германия противопоставляла себя капиталистическому и демократическому "Западу" (Англии, Голландии, Франции). Это противопоставление потеряло смысл для Западной Германии лишь по второй половине 20 в., а для Восточной - только после воссоединения. Для России противопоставление с Западом имеет намного более глубокие религиозные, культурно-цивилизационные и институциональные причины и, потому, до сих пор не изжито.

Начиная с 18 в. главнейшую роль среди протестантских государств стала играть Пруссия, для которой были характерны милитаризация и всеобщее огосударствление. Специфическая политическая культура Пруссии

(поддерживавшаяся привилегированной ролью в армии и государстве ее крупных помещиков с востока - юнкеров) оказывала очень серьезное влияние на объединившуюся Германию с 1871 г. и, практически, до конца Второй мировой войны (1945). Немецкая (и, особенно, прусская) военно-централистская культура были достаточно долгое время (с 18 века) образцом для подражания в России, хотя и воспроизводилась она на другой социально-культурной основе.

Очень неравномерным вплоть до последней четверти 19 в. было и экономическое развитие Германии. В экономической модернизации страны кроме протестантов большую роль сыграл еврейский капитал. Государственная опека над экономикой и проективное вмешательство государства в жизнь общества были очень велики, особенно, в Пруссии. Большую роль в индустриализации Германии в 19 в. (особенно, Рейнской провинции Пруссии) сыграли наполеоновские завоевания, приведшие к распространению Кодекса Наполеона на Германию.

Индустриализация России также носила очаговый характер. Наряду с государством большую роль в ней в 19 в. сыграл старообрядческий капитал (особенно, в возникновении текстильной промышленности вокруг Москвы) и иностранные инвесторы (особенно, в Южном и Бакинском промышленных районах, также в районах Санкт-Петербурга и Варшавы).

В целом, Германия вплоть до 20 в. характеризовалась очень большой пестротой и вариативностью различных социальных групп и групп интересов. Противостояние этих групп вызывало большую конфликтность развития, которая имела не только внутренний аспект, но и, в силу раскола Германии, международный. Более того, этот конфликт после объединения Германии был, практически, перенесен вовне, в виде борьбы за европейское и мировое доминирование (сходным примером переноса внутреннего конфликта вовне могут служить и наполеоновские войны).

Переговорные (демократические) институты разрешения конфликтов в Германии в 19 в. были плохо развиты. Хотя они и имели давние средневековые традиции, но практически заглохли в 17-18 вв. Второй рейх (1871 - 1918), несмотря на наличие представительных органов на разных уровнях, был не демократическим государством, а милитаристской империей. Тем не менее, механизмы переговоров на разных уровнях общества в этот период налаживались. Примером может служить образцовое трудовое и социальное законодательство, начало которому положил Бисмарк. Хотя и здесь сказывалась потребность в обеспечении лояльности низших слоев населения в случае их призыва на военную службу.

Россия также традиционно характеризовалась большой социальной пестротой, которая, в отличие от Германии, "снялась" очень сильно развитым Центром. Роль военных механизмов в разрешении внутренних конфликтов и роль военной мотивировки для централизованной модернизации были даже существенно выше немецкого случая. Определенный механизм переноса внутренних конфликтов во внешнюю экспансию (например, за счет "растекания" казачества, бегущего от властей и помещиков на окраины Империи) также существовал и в России. Но координация между внешней экспансией и попытками разрешения насущных внутренних проблем была существенно меньше, чем в Германии. Возможно, в силу того, что переразвитый Центр достаточно слабо учитывал реальные потребности общества.

Германия обладала хорошо развитой бюрократией еще в позднее Средневековье. В 19 в. бюрократический (и военно-бюрократический) аппарат превратился, особенно, в Пруссии, во вполне самостоятельную силу, определяющую жизнь общества. Степень рационализации этой бюрократии и эффективность ее действий были очень высоки.

Немецкая (по национальному происхождению или этнической принадлежности) бюрократия была образцом подражания и источником кадров для всей Восточной Европы, включая и Россию. Тем не менее, такой рационализации административного аппарата, как в Германии, ни в Российской империи, ни в СССР добиться не удавалось. Русская бюрократия всегда оставалась партикуляристской.

Различия в эффективности русской и немецкой бюрократии также связаны с тем, что в Германии разрыв между формальными и неформальными институтами существенно меньше. Кроме того, этот разрыв, связанный с внедрением новых институтов на макроуровне, постоянно преодолевался за счет специфических "гражданских добродетелей", характерных для "национального характера" немцев: исполнительности, добросовестности, старательности, пунктуальности и т.д. В России же гипертрофия Центра предопределила и очень серьезный разрыв между внедрившимися им (через переразвитые вертикальные связи) макроинституциональными нормами и микроуровневыми институтами (создававшимися слабо развитыми горизонтальными связями). Поскольку любой чиновник всегда находился как бы в двух "разорванных" измерениях: макроинституциональном (где надо обеспечить поверхностное благополучие "на бумаге") и микроинституциональном (связь этого "бумажного измерения" с реальностью), то и реальную работу он мог производить часто только "на поверхности".

Немецкие интеллектуалы и их рациональное проектирование играли в политической системе страны чрезвычайно существенную роль. Они развили ключевую национальную символику и соответствующий набор проблематизаций, во многом определявших политическую повестку дня в 19 - первой половине 20 в. Они также в значительной мере способствовали осознанию своих интересов различными группами общества, особенно, малопривилегированными (немецкая социал-демократия). Многие из "гибридных" модернизационных рецептов, выработанных в Германии, как стране пограничной между Западной Европой и ее "периферией", и, потому, первой начавшей осознание проблем границ между традицией и модерном, оказались привлекательными для различных неевропейских стран (милитаризм, "полицейское государство", марксизм, различные варианты консервативного национализма и национально-исторического сознания, "консервативная революция").

Прежде всего, эта привлекательность существовала для Восточной Европы и России как зоне непосредственного немецкого влияния. Но заимствования у Германии были характерны для очень многих стран. Например, Япония после "Революции Мейдзи" заимствовала политическое устройство Германской империи. Чили имела армию, созданную немцами. Советская Россия распространяла по всему миру марксистские идеи, и т.д.

В целом, видно, что Россия лежит, по сравнению с Германией, в более отдаленном "часовом поясе" модернизации. Роль конфликтности и проективности в нашей стране существенно выше. У всего этого есть достаточно глубокие причины.

Германия, как и другие страны европейской "Respublica Christiana", на протяжении долгого периода была феодальным обществом с плюрализмом различных центров, развитыми горизонтальными связями и автономией доступа к этим центрам различных групп. Россия же исторически - имперское общество с переразвитым центром, слабым автономным доступом к нему различных групп и незначительными горизонтальными связями. Наконец, существуют достаточно серьезные различия между православной культурой России и католическо-лютеранской культурой Германии.

Конфликтная модернизация на Востоке во второй половине 19 в.

Наиболее широкое распространение западных идей и наиболее активное внедрение современных институтов началось в азиатских странах во второй половине 19 в. Иногда это происходило под нажимом колониальных властей (Индия) или под внешним давлением великих держав (Китай, Япония). Часто это было инициативой местной политической элиты, стремившейся ликвидировать отставание, наиболее болезненно проявлявшееся в военной сфере (Турция, позднее, Япония и Китай). Таковой же была мотивация и синхронно проводившихся "великих реформ" 1860-х гг. в России.

Спецификой всех указанных реформ была их неизбежная рациональная проективность, ориентация на чужой институциональный и культурно-цивилизационный опыт. В результате все они порождали существенные разрывы между традицией и внедрявшимися инновациями, неформальными и формальными институтами, государственным аппаратом и массами населения. То, в какой степени эти разрывы удавалось преодолевать, зависело от местных культурно-цивилизационных и институциональных особенностей.

Проективное внедрение чуждых институтов часто, в отсутствие эффективного синтеза, вело к росту внутренней конфликтности, к резкой дестабилизации. Страдало оно и определенными противоречиями, показанными выше на примере роли государства как ведущего агента модернизации в России. В частности, внедрение европейских политических институтов (включая идеи демократии, национализма и массовой политики) привело к "пробуждению Востока" в начале 20 в. (революции в Турции, Иране, Китае). При этом "пробуждение Востока" во многом напоминало ситуацию с "пробуждением" европейской периферии "ядра модерна", ускоренной войнами (революции в Российской империи в 1905 и 1917 гг., в Германской и Австрийской империях в 1918 г.). Массы населения часто втягивались в политическую жизнь в качестве простой ответной реакции на нарушения привычной стабильности. В связи с этим они часто поддерживали интеллектуально-политические проекты, направленные на воссоздание традиционной стабильности, под видом альтернативной модернизации (например, коммунистического или национально-консервативного образца).

Распространение европейской системы образования привело также во второй половине 19 в. к появлению в странах Востока культурно-цивилизационных разрывов между образованной элитой и основным населением. С другой стороны, все четче осознавалась потребность в догоняющем развитии и, связанном с ним рациональном проектировании. Так возникли фигуры различных азиатских двойников французских интеллектуалов и русских интеллигентов. Однако особенности этих "двойников" закладывались институциональной и культурно-цивилизационной спецификой соответствующих стран. Ниже мы и обратимся к ее

анализу. При этом огромный объем эмпирического материала и различных теоретических концепций не дает нам возможности обозреть и перечислить в этом тексте, даже поверхностно, соответствующую литературу.

Конфликтная модернизация в мире ислама

А. Вестернизация - модернизация.

Исламские общества являются осевыми обществами имперского (или племенного) типа с очень сильной ориентацией на единый институционально-символический Центр. Традиционная исламская культура характеризуется очень высокой степенью взаимосвязи религиозных и мирских институтов, которые буквально пронизывают друг друга (что восходит к культуре древнего Ближнего Востока). Это придает традиции в соответствующих обществах очень большую прочность, так как любой ее элемент имеет религиозную санкцию. Отступление от религии в традиционном исламском праве является тягчайшим преступлением, караемым смертью. Поэтому и любое отступление от традиции легко может трактоваться как преступное. Вестернизация и модернизация в этом культурном контексте легко могут восприниматься как усвоение чуждых исламу институтов, восходящих к христианской религии.

Человек, придерживающийся исламской религии, должен воспринимать себя как представителя "богоизбранной религиозной общины" (уммы). В силу тесной взаимосвязи религиозных и мирских установлений в рамках ислама существует также представление о том, что поведение, угодное Богу, должно приносить человеку пользу как в этой, так и в будущей жизни. Это относится как к отдельному человеку, так и к общине. В силу этого приверженность исламу должна сделать исламские общества наиболее успешными, а исламские государства - самыми сильными.

В реальном мире, и особенно явно, с 18-19 вв., этого не происходит. Этот факт воспринимается как необъяснимая трагедия, которая и является основным модернизационным стимулом. 18-19 вв. продемонстрировали преобладание западных военно-политических институтов над исламскими. Многие исламские общества были превращены в колонии или существовали в полузависимом состоянии. Это приниженное положение в системе международных отношений до сих пор вызывает стремление к модернизации, прежде всего, военно-политической. Особенно большую роль в унижении современных мусульман играет факт существования государства Израиль на священных для исламской религии землях.

Таким образом, основной модернизационный стимул исламских государств оказывается направленным против Запада. Между модернизацией и вестернизацией возникает серьезное внутреннее противоречие.

Большую роль в рамках исламской внешнеполитической традиции играет концепция "священной войны" против неверных. Последняя часто служит для мобилизации мусульман против Запада и вестернизации. Следует однако учитывать, что, мобилизация эта не автоматическая, хотя и возможная в рамках данной культуры. В противоположность широко распространенному стереотипу, в традиционном исламском праве священная война отнюдь не обязательно должна вестись до полной вооруженной победы ислама во всем мире ("глобальный джихад" в стиле Бен Ладена). Скорее, эта концепция предназначена для защиты исламских

земель и религии от нападений извне. Принцип тут заключается в том, что иноверцы не должны насильственно навязывать мусульманам те нормы жизни, которые противоречат их религии. Кроме того, война обычно трактуется лишь как "малый джихад", в противоположность "большому" - внутреннему самоусовершенствованию мусульманина в вере.

Ориентация ислама на единый центр, где сочетаются мирская и религиозная власть, часто создает очень сильные государственные структуры, приобретающие большую автономию от населения. Последние традиционно связаны в сознании людей с вооруженными силами и другими силовыми структурами. Поэтому в мусульманских государствах плохо приживаются демократические институты, а военные перевороты и вмешательство армии в политику регулярны даже в наиболее модернизированных странах (Турция). Сила государственных структур не дает возможности развернуться частному сектору, в частности, из-за высокого уровня бюрократического регулирования и коррупции. Во всех исламских государствах велика роль государственной экономики. Многие из традиционных исламских норм также препятствуют развитию современных секторов экономики (например, банков).

В то же время мир ислама имеет свою очень развитую торгово-экономическую культуру, восходящую к наиболее древним в мире ближневосточным образцам городской жизни. Коран и традиционное исламское право очень большую роль придают регламентации и регулированию торговли. На основе этих норм и возникающих на их основе сетей доверия и кредита в торговле исламский мир развил своеобразный вариант "гражданского общества". Исламские религиозные авторитеты оказываются органически вплетенными в эти структуры. В результате бизнес в существенной мере поддерживает исламистские партии (особенно, более умеренного типа) даже в таких радикально деисламизированных государствах, как Турция. В противоположность этому, в качестве ведущей силы вестернизации обычно выступают государственные чиновники, секулярно настроенные интеллектуалы, и, прежде всего, армия.

Исламскую культуру характеризует очень высокая степень эгалитарных настроений, ведь соблюдение данных Богом законов должно приносить пользу каждому мусульманину уже в этой жизни. Кроме того, перед Богом все мусульмане равны, и вертикальная мобильность в традиционной культуре очень высока. Например, в Османской империи практически все высшие должности занимали бывшие рабы. Поэтому элементы неравенства и социальной несправедливости, возникающие в процессе модернизации, ведут к очень бурной социально-политической реакции. Ей еще более способствует традиционно высокая роль социально-политической проблематики в исламе и присущая ему культура политического активизма.

Б. Население, бюрократия и образованные слои.

Серьезной исторической драмой для исламской цивилизации является реальный отрыв мирской власти от религиозных институтов и потеря ей высшей санкции после 4 первых халифов. Особенно резко данная проблема встает для шиитов, которые воспринимают в качестве несправедливой любую власть, которая существует до возвращения "скрытого имама" из рода халифа Али. У суннитов эта тенденция реализуется традиционно в виде циклов: возникновения сильной власти,

легитимирующей себя исламом, и ее падения в ситуации, когда она эту легитимность теряет.

При этом властная элита очень часто была отчуждена от основной части населения, так как она комплектовалась из племен-завоевателей (арабов, тюрок, монголов, турок-османов), рабов-иноземцев (мамлюки, гулямы, янычары), сектантов (шиитов, исмаилитов, хариджитов и т.д.). В целом, история существования исламской цивилизации после первых 4 халифов привела к отчуждению общества-уммы от политико-административной элиты и к формированию своеобразного аналога исламского "гражданского общества" с его неформальными институтами коммерческого права и общественного мнения, более или менее резко противостоящим формальным институтам и властной элите.

Специфическое место в традиционном исламе занимает интеллектуальная элита. Ислам не имеет института церковной иерархии наподобие католической или православной церкви. Имама обычно выбирают верующие из числа наиболее образованных (в традиционном исламском смысле) людей. Институты "правильной" передачи и интерпретации исламского права и люди, способные это делать, формируют общественное мнение. В то же время в специфических условиях неразрывной связи религиозного и мирского все политические идеи в той или иной мере приобретают религиозную форму (например, "исламский социализм"). Интеллектуалы, которые этого не делают, и подчеркивают свой вестернизированный характер, маргинализируются. Политические идеологи часто в результате превращаются в своеобразных "имамов" (в пределе, - в лидеров сект). Образованные люди, таким образом, обычно становятся неформальными лидерами населения, выразителями интересов и взглядов исламского "гражданского общества"-уммы.

Таким образом, для исламских стран характерен очень серьезный, существенно превосходящий Россию, разрыв ислам - Запад, ислам - модерн. Существует также очень большой (доходящий до настоящей пропасти для шиитских стран) разрыв между населением с его неформальной структурой уммы и властной элитой. В то же время, образованная элита не оторвана от массы населения в той же степени, как это имеет место в России. Она традиционно является лидером масс и ориентируется на мнение масс. В результате в современном исламском мире часто возникает не характерное для России противостояние: массы населения и традиционная образованная элита против Запада, вестернизированных формальных институтов и местной властной элиты.

Конфликт и модернизационный синтез в Китае

А. Вестернизация - модернизация.

Конфуцианская цивилизация с ее культом посясторонней ориентации, рационализма, высокой личной морали, дисциплины и постоянного самоусовершенствования, повышения образовательного уровня, активной соревновательности во всем, прежде всего, в труде, в принципе, вполне может восприниматься, в некотором отношении, как восточный аналог протестантизма. Однако конфуцианство в его социальных функциях отличается от индивидуалистично ориентированного протестантизма тенденцией к авторитарному патернализму и развитию вертикальных патронажно-клиентельных связей.

Последние находят свое предельное воплощение в традиционном китайском государстве с его необычайно развитым бюрократическим аппаратом.

Поэтому именно сильно развитое государство с его горизонтальными связями и стало основным тормозом на пути модернизации Китая. Доказательством этого служит тот факт, что китайские эмигранты-хуацяо, выпав за пределы государственного контроля, стали основным источником развития капитализма для Юго-Восточной Азии еще в 19 в.

Первоначально негативная роль государства в модернизации Китая была резко усилена традиционным для конфуцианства синоцентризмом, представлением о Китае как цивилизационном "центре мира", окруженном варварами. Развитая традиционная культура также достаточно долго сопротивлялась заимствованиям.

В целом, для Китая существовала та же исходная травма модернизации, что и для мира ислама. Модернизация оказалась реакцией на невероятную с точки зрения мировоззрения традиционной культуры ситуацию слабости и отставания Китая по сравнению с Европой. Основным агентом модернизации, как в России, стало сильное государство. Целью первоначально было недопущение роста чужеземного влияния, начиная с политики "самоусиления" во второй половине 19 в. Постепенно, по мере видоизменения традиции, государство нащупывало пути эффективной модернизации. Были опробованы различные неуспешные и даже катастрофичные модели модернизации ("самоусиление", правление Гоминьдана в материковом Китае, маоизм). Начиная с 70-х гг. 20 в. был найден способ чрезвычайно успешного (прежде всего, в социально-экономическом плане) синтеза традиционных и западных институтов. Причем синтез происходит не только в экономике, но и в политике (постепенная либерализация и "плюрализация" режима).

Логика взаимодействия Китая с Западом продолжает, во многом, определяться синоцентризмом. Мы не разделяем некоторые популярные теории о предстоящей претензии Китая на глобальное лидерство, восходящие к идее "желтой опасности" начала 20 в. Синоцентризм не глобально ориентирован, так как Китай - не "осевое" общество (хотя институционально - имперское в строгом смысле этого слова. Ни одна из традиционных собственно китайских религий (конфуцианство, даосизм) не интересовалась внешним миром за пределами Китая. Китайское государство всегда было по преимуществу погружено в собственные проблемы, а военное дело и активная внешняя политика отвергались конфуцианской культурой. В настоящий момент главная проблема китайского правительства - модернизация Китая. Современный Китай не настроен на глобальное противостояние с Западом, если не затрагиваются сугубо китайские проблемы ("независимость" Тайваня, критика за нарушение прав человека или недостаточная демократичность и т.д.).

Б. Население, бюрократия и образованные слои.

В традиционном Китае не существовало почвы для долгосрочного противостояния между народными массами, бюрократией и образованной элитой. Конфуцианская система экзаменов, необходимых для занятия важных должностей, практически уравнивала понятия "бюрократия" и "образованная элита". В то же время система государственного управления воспринималась как органическое продолжение семейно-клановых структур и патронажно-клиентельных сетей, пронизывавших общество. Таким образом, осуществлялась обратная связь между административной элитой и населением. Подобная гармония циклически

нарушалась, так как в государственном аппарате со временем неизбежно возникали коррупция и nepoтизм. Однако равновесие всегда восстанавливалось путем установления новой династии.

Постепенное разрушение Цинской империи под натиском великих держав осознавалось массами населения, прежде всего, крестьянского, как такое нарушение гармонии. Политические режимы, пришедшие к власти после падения старого режима, сочетали модерн с китайской традицией, в которой большую роль играли сильное государство и социально-эгалитарные настроения. Первоначально этот синтез принял форму националистически-патерналистского Гоминьдановского режима, затем - тоталитарного маоизма.

Установившаяся в коммунистическом Китае структура управления в ряде отношений напоминает традиционную конфуцианскую систему. Государственное управление основано на большой роли клановых и патронажно-клиентельных сетей. Оно осуществляется эффективной патерналистской бюрократией, комплектуемой на основе специфической идеологии (правда, теперь роль конфуцианства играет идеология КПК). Определенный разрыв между политико-административной и образованной элитой существует, но он постепенно нивелируется за счет традиционно высокого социального престижа образования.

В целом, существует определенное противоречие по линии "традиционная культура Китая - институты модерна". Институциональной причиной этого противоречия является сильное государство с его вертикальными патронажно-клиентельными связями. Однако в настоящее время противоречие успешно разрешается. Специфический характер синоцентризма (отсутствие глобальной ориентации) никогда не давал развернуться глобальному противостоянию Китай - Запад, которое всегда носило локальный характер. В то же время для конфуцианской культуры совершенно не характерно долгосрочное противостояние между массами населения, образованной элитой и властной элитой.

Очаговая модернизация в Индии

А. Вестернизация - модернизация.

Индия (с ее преобладанием индуистской и связанных с ней традиций - буддистской, джайнской и т.д.), по определению Ш. Эйзенштадта, является цивилизацией не имеющей ориентации на единый Центр. Это проявляется в общинно-кастовой замкнутости, в безразличии к внешнему миру. Последнее сочетается с терпимостью, неэгалитарностью, отсутствием противопоставления различных путей развития (восходящему к принципиальной множественности путей к спасению в брахманизме и индуизме).

В результате взаимодействие модернизации (вестернизации) и традиционной культуры принимает характер "очагового" синтеза. Примерами таких очагов модернизации могут служить касты торговцев, банкиров и ремесленников, постепенно втягивавшиеся в структуры экономики, модернизируемой английскими властями и капиталом. В настоящее время выходцы из этих каст являются представителями современного интернационализованного капитала.

Даже в современной Индии очаги высокоразвитой индустриальной и постиндустриальной экономики абсолютно мирно сосуществуют с традиционными

сельскими общинами. Нищета большинства населения на фоне оазисов богатства при этом, благодаря особенностям традиционной культуры, не вызывает социальных взрывов или даже серьезного социального напряжения (что проявляется, например, в очень низком уровне преступности, в преобладании чувства удовлетворения своей жизнью даже у людей, живущих в невероятной, по меркам европейцев, нищете).

Политическая, административная, юридическая системы Индии также достаточно органично сочетают привнесенные англичанами нормы с традиционной культурой. Причина этого коренится, прежде всего, в уже упомянутой замкнутости традиционных индийских каст и общин, безразличных ко всему внешнему. Они одинаково спокойно относились как к мусульманским правителям, так и к английским колонизаторам в той мере, в какой те и другие довольствовались традиционной нормой налогов с общин, не вторгаясь в их внутреннюю жизнь. Социально-политическая проблематика, эгалитарные идеи и политический активизм также традиционно чужды индийской цивилизации. Поэтому Вестминстерская модель парламентаризма (принявшая форму общинной автономии в рамках федерального государства) и ориентированная на традиции и стабильность английская политическая культура, коль они уже были внедрены колонизаторами, вполне прижились в Индии. Вполне удачной оказалась для Индии и ориентация английской политической культуры на минимизацию государства, ослабление вмешательства бюрократии в частную и общинную жизнь (правда, в условиях Индии, ударение оказалось на последнем элементе). Прецедентное право также оказалось идеальным для индийских условий.

Именно в цивилизационном факторе находится разгадка необыкновенной стабильности демократии в Индии, несмотря на хорошо известную по другим странам эмпирическую закономерность, указывающую на стабилизацию демократических институтов лишь после достижения известного уровня ВВП на душу населения.

В условиях традиционной высокой терпимости и кастово-общинной замкнутости противопоставление Индия - Запад для самих индийцев имеет не очень большое значение. ИНК в период борьбы за независимость сумел мобилизовать индийцев под националистическими лозунгами. Однако эти лозунги были весьма умеренными, ориентированными на постепенность, институциональную стабильность, переговоры и ненасилие. Сходным образом правительство независимой Индии традиционно ориентирует свою политику глобально. Хотя на региональном уровне Индия, и это - наследие Британской Индии, традиционно позиционирует себя как ведущая держава.

Б. Население, бюрократия и образованные слои.

В рамках традиционной индийской культуры умственный труд является делом верхних каст и варн (прежде всего, брахманов, в существенно меньшей степени, кшатриев). Европейское образование в колониальную и постколониальную эпоху распространялось, преимущественно, среди высших каст. Последние и составляют ядро лиц умственного труда в современной Индии. Проблема "отрыва" образованных слоев от народной культуры и традиционной цивилизации, таким образом, не возникает. Связь образованных людей и масс народа осуществляется через представление о прошлой и будущей жизни. Принадлежность к высшим кастам является кармическим следствием правильной жизни в прошлых

перерождениях. В будущих перерождениях нынешние представители низших каст могут стать членами высших каст.

Управление исходно было делом воинской касты (кшатриев), в существенно меньшей степени - брахманов. Слабость государственных структур в Индии приводила к постоянным вторжениям иноземцев (степняков-кочевников, мусульман и т.д.). Последние также функционально превращались в замкнутые касты правителей (в определенной мере, так же воспринимались и английские колонизаторы). Таким образом, отчуждение населения (замкнутых общин) и правящих кругов в Индии традиционно существует. Однако оно также разрешается кармическим способом. Кроме того, это отчуждение очень редко переходит в противостояние. Обычно оно реализуется в виде полного безразличия традиционных общин к государственным делам и социально-политической проблематике.

Ядро политической элиты современной Индии составляют выходцы из высших каст. Проблемы отчуждения властной элиты от традиции здесь не возникает. Особенности английской политической культуры в сочетании с общинной автономией, усиленной федерализмом и парламентаризмом, не способствовали развитию противостояния бюрократии и населения даже в условиях экспансии госсектора после обретения независимости. Политическая и административная элита относится к тем же кастам, что и интеллектуальная элита. Между ними существуют сильные социально-родственные связи. Поэтому не возникает и резкого противостояния между ними.

Таким образом, в Индии с определенного момента постепенно исчезает серьезный разрыв между национальными традициями и модернизацией (вестернизацией), между неформальными институтами, разделяемыми населением, образованной элитой и политической (административной) элитой. Это благотворно влияет на структуру политического пространства, делая стабильными политические институты демократии.

Органический синтез модерна и традиции в Японии

А. Вестернизация - модернизация.

Традиционное японское общество было, как и западное, феодальным. Отсутствие сильного традиционного государства, препятствующего модернизации, и развитая традиция заимствования у других стран способствовали быстрому развитию Японии. Наличие серьезных предшествовавших европеизации культурных заимствований у Китая обеспечивало сходные с Китаем цивилизационные предпосылки модернизации.

Очень быстро, после революции Мэйдзи, был найден способ эффективного синтеза традиционных и современных институтов. Успешная модернизация Японии привела ее к началу 20 в. к превращению в одну из великих военных держав. Попытка выступить против западных стран под флагом идеологии панasiatизма (лозунг "создания сферы процветания азиатских стран во главе с Японией") потерпела поражение. После этого Япония благодаря ориентации на США в плане внешней политики превратилась в одну из стран западного мира. Японские экономика и социум по-прежнему характеризуются чрезвычайно эффективным

синтезом модерна (постмодерна) и традиции, эволюционируя при этом в сторону все большего сходства с западным миром на уровне культуры.

Б. Население, бюрократия и образованные слои.

Японское общество имеет ярко выраженную корпоративную структуру, характеризующуюся сочетанием горизонтальных (высокая степень групповой лояльности внутри групп) и вертикальных (патронажно-клиентельные сети) связей. Хотя указанные особенности придали специфический характер японской демократии, они, в то же время, по-прежнему органически связывают политическую и административную элиту с другими слоями общества.

Заимствование многих элементов традиционной культуры из Китая предрешило высокий престиж образования в японском обществе. В рамках феодальной структуры Японии эпохи сегуната самураи являлись не только военно-политической, но и интеллектуальной элитой. Они проходили подготовку в дзэн-буддистских монастырях и являлись носителями традиционной культуры. После революции Мэйдзи самураи составили ядро политической элиты, административного аппарата и ядро интеллектуальных кругов (профессора, и т.д.). Благодаря корпоративной системе и эффективному синтезу модерна и традиционной культуры отрыва интеллектуальной элиты от массы населения не наблюдалось. Более того, почти сразу после революции Мэйдзи, в конце 19 в. была создана эффективная и массовая система образования. В результате современное японское общество - одно из самых образованных в мире, а средний уровень образования находится на очень высоком даже по сравнению с Западной Европой и США уровнем.

Таким образом, в Японии уже в конце 19 в. была разрешена проблема эффективного синтеза традиционной культуры и институтов модерна. Проблема противостояния Япония - Запад была исчерпана после поражения во Второй мировой войне. Японская культура традиционно характеризуется наличием глубоких связей между политической, административной, интеллектуальной элитами и населением.

Некоторые выводы.

В целом, при отдалении от северо-западного, протестантского, европейского ядра модерна (Великобритания, англосаксонские переселенческие колонии, Голландия, Швейцария, Скандинавия) наблюдается постепенный рост конфликтности развития, увеличение роли проективности в модернизации, усиление роли государства, функциональной значимости бюрократии и интеллигенции в политической системе. Все эти тенденции наблюдаются в особо крупных масштабах в России и в мусульманском мире (и в Латинской Америке за пределами рассмотренных евразийских примеров).

Структура политического пространства в России отличается наибольшими внутренними разрывами и конфликтностью по сравнению со всеми рассмотренными выше примерами. Роль проективности и инновативности интеллигенции в политическом развитии оказалась чрезвычайно большой. Соответственно, степень синтеза формальных институтов модерна с неформальными институтами, определяемыми традицией, - одна из самых слабых из всех рассмотренных случаев (наравне с миром ислама). Сила государства как основного модернизационного

агента оказывается наибольшей, а горизонтальные связи и институциональная автономия - наислабейшими. Разрывы между образованной частью населения, бюрократией и массами населения оказываются также самыми большими. Наконец, несмотря на большую роль в создании пространства политики, интеллигенции не удалось превратиться в агента политической модернизации России, сопоставимого с государством. Эти особенности объясняются историко-культурными особенностями России, предшествовавшими процессам модернизации в XIX - XX в.

Из рассмотренных выше азиатских случаев наиболее приближенная конфигурация наблюдается лишь в случае исламских обществ. Там жесткое противостояние по линии формальных и неформальных институтов, модерна и традиции дополняется противостоянием между административной элитой, с одной стороны, и интеллектуалами вместе с массами населения, с другой. В то же время, преобладание вертикальных связей в обществе над горизонтальными там не столь очевидно.

Далее, на восток от России и мира ислама конфликтность модернизации и связанные с этим тенденции начинают ослабевать. Несколько меньшее сходство России и мира ислама наблюдается с Китаем. Там также имеет место четкое преобладание вертикальных связей в обществе над горизонтальными (хотя и несколько меньшее, чем в России). В то же время, синтез традиции и модерна оказался, к настоящему времени, после долгой истории провалов, более успешным, чем в России. Разрывы между бюрократией, интеллектуальной элитой и массами населения для Китая традиционно не характерны. Эта традиция со временем позволила "залечить" раны, нанесенные первоначальными неудачами в модернизации.

В то же время, Япония и Индия характеризуются существенно меньшей конфликтностью и ролью проективности в развитии, что связано с особенностями традиционных культурно-институциональных структур. Соответственно, синтез традиций и модерна оказался там весьма эффективным, разрывы между формальными и неформальными институтами - относительно малыми. Сильного разрыва между бюрократией, интеллектуальной элитой и массами населения не возникло.

В целом, можно отметить, что высокая конфликтность процесса модернизации и сильные социальные разрывы характерны для России и исламских стран (а также, если выйти за пределы Азии, то и для государств Латинской Америки). В то же время конфликтность развития в Индии и Японии существенно ниже. Китай занимает, скорее, промежуточное положение.

Подобная ситуация легко объяснима в терминах Ш. Эйзенштадта. Страны с высокой конфликтностью развития в наибольшей мере характеризуются осевой культурой, имеющей четкую ориентацию на единый центр, что ведет к образованию институциональных структур имперского типа.

Следует отметить, что показанная выше взаимосвязь между высокой политико-инновативной ролью интеллектуалов-интеллигенции и конфликтностью развития не означает, что такого рода конфликты обязательно непродуктивны. Безусловно, политико-институциональные среды, минимизирующие конфликты, являются более эффективными. Однако указанные конфликты носят специфический структурный характер, они имеют ориентацию на политическую систему в целом (представляют

собой столкновение различных рациональных проектов) и являются специфическими для данной институциональной среды способами развития. Намного более опасными являются ситуации, когда конфликты реализуются как бы на "более низком уровне", например, клановом или субэтническом (конфликты в Африке, на Балканах, в постсоветских государствах). В этом случае конфликт вообще, как правило, не способствует развитию политической системы.